

Сны. Иван Алексеевич Бунин bunivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bunivan.ru/> Приятного чтения!

Сны. Иван Алексеевич Бунин

В поле было холодно, туманно и ветрено, смеркалось рано. Еле светили подкрученные фитили ламп, и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции, на буфетной стойке в третьем классе спал под тулупом станционный сторож. Я прошел в комнату для господ – там медленно постукивали в полумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... Я лег на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомленный тяжелой дорогой под дождем и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого.

«И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей», – вспомнилась мне печальная строка из какой-то старой русской книги.

По-прежнему было холодно и тихо, по-прежнему чернела за окнами тьма...

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно занял звонок. Выйдя в третий класс, я увидел мещанина в картузе и чуйке, который, поставив локти на колени и положив в ладони голову, неподвижно сидел на скамье.

– Это поезд вышел? – спросил я.

Мещанин встрепенулся и взглянул на меня испуганно. Потом что-то пробормотал и, нахмурившись, быстро пошел к дверям на платформу.

– У него жена в родах помирает, – сказал проснувшийся сторож, сидя на буфетной стойке и вертя сигарку из газетной бумаги. – У всякого, значит, свое горе, – прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятым злорадством заговорил:

– Вот тебе и женился на богатой! Второй день мучается, царския врата в церкви отворили – ничего не помогает. Теперь в город за доктором скачет, а к чему, спрашивается?

– Думаешь, не поспеет?

– Никак! – ответил сторож. – Воротится он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрет. Беспременно помрет, – прибавил он убежденно. – Три раза, говорит, на оракул кидал, – кто, мол, раньше помрет, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... как это? «Нечего тебе простирать в даль свои намерения», а потом и того хуже: «Молись Богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь». А вчерась, говорит, во сне видел: будто обрили его догола и все зубы вынули...

Он, верно, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. Снова завизжала и заняла входная дверь, показался кондуктор в тяжелой мокрой шинели с оторванным на спине хлястиком, за ним смазчик с тусклым фонарем в руке... Я вышел на платформу.

Там я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи. Наконец, сотрясая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане своими огромными красными глазами пассажирский паровоз. Я поднялся в полутемный, теплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом, и уже на ходу поезда нашел свободную скамейку в углу около двери в другое отделение. В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колеса, и, закрывая глаза, я все терял представление, в какую сторону идет поезд. Но прошел истопник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой... Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица, на краю четвертой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворенной дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарем, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них.

– Да-а, братцы мои, – слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос. – Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старичок-священник из Епифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, а за что перевели – пил дюже... значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо... «Сколько, мол, отец Петр, за кстины аль за похороны берете?» – «Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть...» И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он

честь-честью лето, а осенью и захворай. Года, что ли, такие, или простудился он, – лето-то, сами знаете, какое было, – только, видимое дело, слабеть стал. И вот, братцы мои, почуявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу, – и простился со всеми: «Должно, говорит, скоро я преставлюсь к Господу Богу, миряне, – простите, ежели согрешил что...» И, сказавши таким манером, поклонился народу и ушел в алтарь. А пришедши домой, сел было обедать, есть не наел, только ложкой помутил, встал и говорит сторожу, что при ем заместо служки был: «Что-то, говорит, мне холодно, свет, и так-то скушно, – просто мочи нет. Все дочка-покойница вспоминается, все будто ждет она меня к себе.. Убирай, мол, со стола – не идет мне еда на ум». – «Напрасно вы такие речи говорите, папаша, – это сторож-то ему, – напрасно, мол, так случилось. Какие такие ваши года?» – «Нет, говорит, помру! Только дуже, говорит, везде горя много, и ужли никакой тому перемены не буде?» А на дворе не хуже теперешнего льет, невзгода, и уж вечер заходит. Поглядел этак старичок в окошечко, махнул ручкой и ушел к себе в горницу. А в горнице оправил лампадку да и прилег на часок. То ли он спал, то ли так, в забытии лежал, только уж ночь на дворе, а он все лежит да лежит...

– Вот она, дело-то какая! – сказал кто-то с глубоким вздохом. – На Покров, говоришь, вышло-то все это?

– Да ведь сказали, на Покров! – сумрачно перебил сиплым голосом большой рыжий мужик с злыми глазами в рваном полушубке, сидевший на краю лавки против рассказчика.

– На Покров, на Покров, – подтвердил рассказчик. – Вечером. Ушел, говорю, к себе в горницу и лег... Да-а... Ушел и лежит и так будто угрелся на лежаночке, супротив лампадки, что никак не может подняться, помолиться да лечь как следует. Лежу, говорит, гляжу на лампадку и вдруг вижу: отворяется тихенько-тихенько этак дверь и входит ко мне дочь-покойница. «Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?» А она проходит прямо ко мне и кладет мне руку на руку. Сама вся в черном, а лицо белая, белая да красивая! И этак вполголоса: «Встань, говорит, батюшка, иди поскорее – в церковь». Я р-раз с постели, а ей уже нету! Посидел я, посидел, и, что больше сию, все чудней и страшней мне становится. Вскочил, наконец того, на ноги, захватил ключи от церкви, накинул шубенку, выбрался в сенцы... Темь, жуть, сенцы так и гудут от бури, – нет, думаю, надо итить! Спешу на гору, дохожу до церкви, – глядь, а там огонек теплится, ровно бы покойник на ночь поставлен. Оробел я опять, одначе перекрестился – и на паперть. Насилу ключом в замок попал. Отворяю дверь – нет тебе никакого покойника, а только горит свечечка над царскими вратами. Кто ж это, думаю, ее зажег, что такое буде? Стою ни жив ни мертв, вдруг р-раз! – отдернулась занавесь на царских вратах, растворяются этак широко и тихо двери, и выходит из темени, из самого, значит, алтаря, огромный красный кочет. Вышел, остановился, затрепыхал крыльями и как закричит на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропел до трех раз и пропал. И только, значит, пропал, выходит из алтаря другой, белый, как кипень, и запел еще громче прежнего. И опять до трех раз... У меня, рассказывал священник поутру, руки, ноги отнялись, а я все стою и жду, что будет дальше, а дальше выходит и третий: черный, как головешка, только гребешок светится, и запел он, братцы, мои, таково жутко и строго, что опустил я на коленки и говорю этак внятно и раздельно на всю церкву: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его!» И только, это, сказал я, – нет тебе никаких кочетов, а стоит передо мною седенький-седенький монашек и говорит мне тихим голосом: «Не пужайся, служитель Божий, а объяви всему народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела!»

– Вот за это-то за самое и называют вашего брата храпоидолами, чертями, – громко сказал мещанин, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. – Ночь, скука, а он ишь какие суеверия сидит разводит! Ты к чему все это гнешь-то, а?

– Да ведь я ничего плохого, – несмело пробормотал рассказчик.

– Позволь, – ты откуда взял-то все это?

– Как откуда? Сам священник, говорят, рассказывал.

– Священник энтот помер, – перебил мещанин.

– Это верно, верно... помер... вскорости и помер...

– Ну, значит, и брешут на него, что в голову влезет. Ведь это сновидение.

Дубина!

- Да я-то про что ж! Известно, сновидение.
- Ну и молчи, – опять перебил мещанин. – Да и курить-то давно пора бросить, надымили – овин чистый!
- В первый класс иди, коли не ндравится, – сипло и зло сказал рыжий мужик.
- Побреши еще!
- Брешут собаки да твои свояки!
- Буде, буде, ребята! – закричали мужики, заволновавшись.

Бранившиеся смолкли, и в вагоне на время наступила тишина. Потом мещанин вздохнул.

– Ну и стерва, прости ты меня, Господи! – задумчиво и серьезно сказал он таким тоном, точно был в вагоне один.

И опять наступила тишина с глухим говором колес, храпом и дыханием спящих.

- А за что ругаться-то? – спросил рассказчик, когда бранившиеся угрюмо успокоились. – Кто первый начал-то? Ведь ты! Мы балакали промеж себе...
- Чо-орт! – ответил мещанин поспешно, и голос его страдальчески дрогнул. – Ведь ночь, скука, а у меня, может, жена и дите помирают. Пойми!
- Горя-то и у других не мене твоего, – ответил рыжий мужик.
- Не мене! – передразнил мещанин. – Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога – ни проходу, ни проезду! Вчерась измаялся, ткнулся в чем был на постель и вижу – будто обрили меня догола и все зубы вынули! Пойми – сладко?
- Ага! – сказал рыжий мужик. – Покаялся? А то – сновиде-ение!
- До Туровки кто имеет билеты? – прокричал кондуктор, проходя по вагону.

И, осветив фонарем чьи-то ноги, крепко хлопнул возле меня дверь в соседнее отделение.

Поднявшись с места, я снова отворил ее и стал на пороге. Мещанин сидел, спал, согнувшись, а рыжий мужик говорил со сдвинутыми бровями тому, который рассказывал:

– Ну, ну, доказывай дальше.

Несколько полушубков стеснилось вокруг рассказчика, несколько серьезных глаз блестело в дымном сумраке глухо гудящего и бегущего вагона. Рассказчик вздохнул и уже хотел было начать говорить, но тут рыжий поднял на меня глаза и сипло сказал.

- А тебе, господин, что надо?
- Послушать хотел, – ответил я.
- Не господское это дело мужицкие побаски слушать.
- Да-а, братцы мои, – снова заговорил рассказчик прежним тоном, как только я отошел, – и стоит, значит, перед ним седенький, седенький монашек и говорит ему тихим голосом: «Не пужайся, мол, служитель Божий, а слушай и объяви народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела...» Но, начав громко, рассказчик мало-помалу стал понижать голос. Тщетно я вслушивался – все тонуло в ропоте колес и в тяжком храпе спящих. Заслышав сквозь этот ропот и храп далекий заунывный свисток паровоза, возвещавший о станции, с лавки возле меня поспешно вскочил юнкер в очках, оглянулся вокруг себя странными

Сны. Иван Алексеевич Бунин buninivan.ru

глазами и, опять быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучок, тотчас же опять заснул. Какая-то пожилая женщина в темном ситцевом платье поднялась, болезненно морщась, и поплелась в сени. Лежащие, мешки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною. Мужик, рассказывавший про петухов, сидел, подавшись вперед к рыжему, и что-то негромко, но горячо говорил, но, когда я насторожился, чтобы расслышать, что он говорит, из дымного сумрака против меня ничего не было слышно, только блестяли серьезные и злые глаза.

1903

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://buninivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!